

Роланда Трампе

МАЙ 1968 года в ИСТОРИИ ФРАНЦУЗСКОГО РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

Перевод *З.М.Цыпкиной*

Французский ежегодник 1979

М.: Наука. 1981. С.39-47

Веб-публикация: Vive Liberta, 2011

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm

К теме: **М.Сюриа. Деньги. Крушение политики / перевод с франц.**

<http://enlightment2005.narod.ru/arc/mich-surya.pdf>

К вопросу о том, какое место занимают события мая и июня 1968 г. в истории французского рабочего движения и Всеобщей конфедерации труда, можно подойти с разных точек зрения. Можно сравнить 1968 г. с крупнейшими забастовочными движениями, которые ему предшествовали, и особенно с июнем 1936 г. Это сравнение часто приходит на ум. Можно также сопоставить 1968 г. в боями, которые последовали за Освобождением: я имею в виду стачки 1947 и 1948 гг. Я намеренно указываю и 1948 г., так как существует весьма сильное стремление игнорировать забастовки конца 1948 г., являвшиеся последними отголосками выступлений 1947 г. и завершением мощного рабочего движения, начавшегося на следующий день после Освобождения. Наконец, можно вспомнить о забастовках 1953 г.

Если исходить из количественных критериев, то по сравнению со всеми этими движениями стачки 1968 г. были наиболее значительными. Это была подлинно глубинная волна, поднявшая тогда французских трудящихся, ибо число бастующих составляло 9 млн. человек. Каждый второй рабочий, кроме занятых в сельском хозяйстве, был вовлечен в движение. Чтобы не злоупотреблять цифрами, всегда приблизительными и спорными, но вместе с тем желая определить размах и силу забастовок, напомним, что в 1936 г. количество стачечников в круглых цифрах исчислялось в 3 млн. человек, т. е. в них участвовал каждый четвертый несельскохозяйственный рабочий; в 1947 г. число забастовщиков в среднем достигало 1 млн. 900 тыс. человек, но считают, что на гребне движения их было до 2 млн. 500 тыс. Что касается 1953 г., то цифра в 850 тыс. была значительно превышена накануне 15 августа. Таким образом, в 1968 г. были побиты все рекорды. Несомненно, это была самая крупная забастовка в истории французского рабочего движения.

Вот первый аспект для сравнения. Следует принять во внимание также продолжительность движения. В этом отношении 1936 г. можно почти приравнять к 1968 г. В 1936 г. стачки начались на следующий день после Первого мая, сперва в металлургической промышленности, и продолжались до конца июня и даже до начала июля. Движение приостановила и положила ему конец первая волна отъездов, возникшая в связи с введением оплачиваемых отпусков. По возвращении отпускников обстановка во многом изменилась, и соотношение сил стало иным. В 1968 г. первые стачки вспыхнули в металлургической промышленности на завтра после 13 мая. Они продолжались до конца июня, но и в начале июля было еще несколько предприятий, занятых рабочими. 1936 и 1968 годы сходны еще и тем, что в обоих случаях продолжительность забастовок значительно превысила сроки, намеченные соглашениями, заключенными в Матиньоне и Гренеле. Различная продолжительность движения в отдельных отраслях промышленности свидетельствует о степени сопротивления патроната, отказывающегося вести переговоры с трудящимися.

Можно также сравнить масштабы распространения забастовок как

* В основу статьи профессора Тулузского университета Роланды Трампе положен ее доклад на пленуме Исполкома Всеобщей конфедерации труда, посвященном десятилетию майской всеобщей забастовки 1968 г.

в географическом плане, так и в отраслевом. Несомненно, здесь наблюдаются наиболее интересные и значительные различия.

В 1936 г. имело место в основном рабочее движение. В основном, но не исключительно, так как в забастовках принимали участие также и служащие из сферы торговли, страхования и пищевой промышленности. Все же преобладали промышленные рабочие, так как чиновники и работники крупных общественных служб — железных дорог, почты, телеграфа, телефона и банков — оставались в стороне. Бесспорно, движение получило значительнейший размах, но, поскольку многие профессиональные секторы не были им охвачены, жизнь Франции не была полностью парализована. Более того, географически движение было по преимуществу сосредоточено, так как забастовка в основном была рабочей, в наиболее индустриально развитых районах, т. е. в Парижском районе, в департаментах Нор, Па-де-Кале, Буш-дю-Рон, Лотарингском и Лионском районах и крупных городских центрах, таких, как Тулуза.

В 1947 г. обстановка была уже совершенно иной. В борьбе приняли участие почти все профессии, но в очень разном соотношении, так как забастовка развернулась в атмосфере большой напряженности, под угрозой раскола профсоюзов. Общеизвестно, что начало борьбы положили события в Марселе, за которыми последовало выступление горняков в Па-де-Кале. Эстафету приняла затем находившаяся в 1936 г. в авангарде движения Федерация металлистов, которая первой призвала к всеобщей забастовке. С этого момента движение охватило железные дороги, почту, телеграф, телефон, строительство, текстильную, химическую промышленность, порты и т. д., а затем постепенно распространилось на всю Францию. Но в отличие от мая 1968 г. многие федерации — металлистов, почт, телефона, телеграфа, железнодорожников — выдвинули лозунг всеобщей забастовки. Несмотря на то что созданный к концу движения Центральный забастовочный комитет призвал 27 ноября к всеобщей забастовке, она на деле не стала всеобщей; не была она и стихийной, как это было в 1968 г. Таковы существенные различия между событиями 1947 г. и майскими событиями 1968 г. Кроме того, выступление 1947 г. завершилось расколом синдикатов, образованием реформистской «*Force ouvrière*» и общим ослаблением рабочего движения.

Стачки 1953 г. совершенно не были похожи на предшествующие выступления. Во-первых, они возникли в разгар августа, когда рабочие уходили в оплачиваемый отпуск, чего раньше никогда не наблюдалось. Обычно период оплачиваемых отпусков считался временем социального затишья. Кроме того, инициаторами стачек были работники коммунального обслуживания и государственные служащие (за исключением учителей, находившихся в это время в отпусках). Движение, начавшееся среди работников почт, телеграфа, телефона, распространилось дальше, охватило все федерации служащих, национализированные сектора — железные дороги, городское хозяйство (газ, электричество), авиационную компанию Эр Франс, проникло в сектор частной промышленности, захватив часть рабочего класса. Это была совершенно оригинальная забастовка. Те группы трудящихся, которые в 1936 г. остались в стороне от рабочего движения, на этот раз выступили застрельщиками. Это были первые крупные забастовки после раскола 1947 г., развернувшиеся на основе единства действий.

В 1968 г. роль катализатора движения, инициатора прекращения работ и занятия предприятий сыграли выступления студентов, развернувшиеся в первую неделю мая. 9 млн. бастующих рабочих и 500—600 тыс. взбунтовавшихся студентов и лицейстов — такое положение сложилось к концу второй недели мая. Но был ли именно мятеж учащихся взрывным зарядом, он ли «пробудил» рабочий класс, как утверждают некоторые? Те, кто полагает, что рабочие находились в состоянии спячки, забываю о тяжелых боях, непрерывных и порой очень тяжелых (Кан), проходивших во Франции в годы, предшествовавшие маю 1968 г. Они этого не знают, так как они об этом не хотят знать. Кто знает сегодня о количестве предприя-

тий, которые месяцами были заняты рабочими, стремившимися помешать их закрытию? Сколько газет дают место подобной информации на первых своих страницах? Конечно, то, что игнорируют, того и не существует.

Я считаю, что истоки 1968 г. нужно искать в 1963 г. В 1963 г. забастовка горняков, проходившая на основе единства действий, прозвучала отходной престижу де Голля в среде рабочего класса. Неповиновение приказу о мобилизации нанесло серьезный урон его авторитету и вернуло трудящимся веру в свои силы, надолго подорванную последствиями войны в Алжире. В последующие годы росло недовольство рабочих, служащих и чиновников. Напряженность непрерывно возрастала. 1967 год и начало 1968 г. отмечены были очень упорной стачечной борьбой. Бои, которые развернулись в Кане, предвосхищали майские сражения остротой столкновений с полицией, мобилизацией всего населения вокруг забастовщиков и местных предприятий. Все труднее становилось терпеть упорство предпринимателей и жестокость правительственной политики.

Студенческое движение, до той поры чуждое боям пролетариата, на самом деле возникло из них. В этих совершенно исключительных условиях студенческое движение действительно сыграло роль детонатора. Более того, место, которое средства массовой информации (радио и телевидение) отводили формам его борьбы, его лозунгам, его уличным боям, выдвинуло это движение на первый план, что и давало возможность преуменьшить реальное значение забастовочного движения. Вот почему, по мнению некоторых, 9 млн. бастующих рабочих, парализовавших всю жизнь страны, но в то же время обеспечивавших потребности повседневной жизни населения, не могли идти в сравнение с 500—600 тыс. возмущившихся студентов и лицеистов.

В последующие после 13 мая дни, а именно 14, 15, 16, 17 и 18 мая, забастовки распространились с быстротой молнии. На этот раз ими были охвачены все без исключения профессии, все группы трудящихся. Все были вовлечены в водоворот. Различия синдикалистских направлений в один миг были упразднены, все запрещения отброшены. В результате движение достигло максимального профессионального и географического распространения. Ни один округ, ни один город Франции не остались в стороне от майских событий 1968 г.

Попытаемся определить их характерные черты. Эта всеобщая забастовка соединяла в себе и чрезвычайно традиционные и совершенно новые черты. Вследствие того что студенческое движение было переоценено, многие увидели новое там, где на самом деле происходило лишь воскрешение старых форм.

Так обстоит дело с *занятием предприятий*, которое является одной из существенных черт 1968 г. Говорят: «Рабочие подражают учащимся, занявшим Сорбонну». Но скорее студенты заимствовали эту форму борьбы из арсенала рабочих традиций. Не говоря уж о забастовках 1920 и 1936 гг., мы встречаем и в годы, непосредственно предшествовавшие 1968 г., многочисленные забастовки, сопровождавшиеся занятием предприятий рабочими. В рабочей среде об этом помнили. Но необычная оккупация Сорбонны и широкая гласность, которую получило это событие, несомненно, поразили умы и способствовали распространению этой формы борьбы среди трудящихся.

О ней многое можно сказать. Одни считают запятие предприятий революционной формой борьбы, другие усматривают в ней просто гарантию от локаутов и средство давления на предпринимателей, чтобы принудить их к переговорам. Как бы то ни было, в 1968 г. занимали самые неожиданные пункты: театры, консерваторию, Национальную школу изящных искусств. В 1936 г. никто и не думал занимать подобные места. В этом и заключалась новизна.

О какого рода занятии идет речь? Несомненно, запятие Сорбонны послужило примером для некоторых групп забастовщиков в различных отраслях, хотя и трудно приравнять оккупацию предприятий к оккупации учебных факультетов. Эти «оккупированные территории» слишком раз-

личные по своей сути и по своему назначению, чтоб можно было провести между ними параллель. Большая часть студентов очень слабо разбиралась в этих различиях, они совершенно не понимали, особенно в то время, что такое предприятие и что оно значит для трудящихся. Чувство ответственности, забота об условиях возобновления работы, широко распространенные среди рабочих, зачастую высмеивались и отвергались студенческим движением, участники которого видели в этом только проявления легализма и реформизма, с их точки зрения давно уже себя изживших.

На занятых предприятиях мы встречаем две давние организации, типичные для забастовок: стачечный комитет и общие собрания стачечников. Но иногда появляется и третья — комитет действий, возникший непосредственно из студенческого опыта. Многие считали, что студенческое движение возродило стачечные комитеты, но это не так. Конечно, в 1968 г. и, возможно, именно под воздействием студенческих волнений возникло стремление к возрождению стачечных комитетов в том виде, в каком они существовали во второй половине XIX в.

Забастовка — первичная и стихийная форма борьбы рабочего класса предшествовала возникновению синдикатов, создание которых она зачастую стимулировала. Она вызвала к жизни первичную форму организации рабочего движения, т. е. стачечные комитеты. Они появились в середине XIX в., избирались общими собраниями забастовщиков; в низовых организациях в отношениях между избирателями и уполномоченными избранными лицами существовала в то время подлинная прямая демократия. Но по мере того как рабочее движение развивалось, становилось все более организованным, синдикаты укреплялись, забастовки частично утратили стихийность за счет усиления организованного начала. В стачечных комитетах, состав которых порой заранее намечался синдикатом, наблюдалась тенденция свести свой состав только к представителям синдикатов, ибо последние считали руководство забастовкой исключительно своим делом, поскольку рабочие, входящие в синдикат, так же, как ответственные профсоюзные работники, обладали, по их мнению, более высоким классовым сознанием, чем масса необъединенных в профсоюзы забастовщиков. Одна из статей устава ВКТ гласила, что забастовка должна проходить под руководством синдикатов. В этих условиях масса забастовщиков независимо от того, состоит она или нет из членов синдикатов, склонна доверять комитету, который с ними консультируется и информирует их на общих собраниях, созываемых комитетами. Когда на одном предприятии имеется несколько синдикатов, состав комитета расширяется и становится межсиндикальным. В 1968 г. было множество тому примеров.

Конечно, студенты воздали честь старому опыту. Они увидели в нем победу былых стихийных общих собраний, прямой демократии и стачечных комитетов, избираемых этими общими собраниями и ответственных перед ними. Это требование свободы волеизъявления низов и их прямого действия находило поддержку масс трудящихся, и стачечные комитеты во многих случаях расширялись, выходя за рамки представительства уполномоченных синдикатов, включая в свой состав и нечленов союза.

Не следует все-таки забывать, что ВКТ сама дала указание своим синдикатам начиная с 15 мая поддерживать возможно более тесный контакт с трудящимися на предприятиях и 19 мая провести под их контролем выборы стачечных комитетов. Итак, дело обстоит совсем не так просто, как казалось сначала. Кроме того, хотя в 1968 г. было известное число забастовочных комитетов, которые вышли за рамки синдикалистского аппарата, но они составляли меньшинство. На многих предприятиях, особенно промышленных, если не на большинстве, забастовочные комитеты оставались традиционными.

Те же черты обнаруживали общие собрания. Это были скорее собрания для заслушивания профсоюзной информации и профсоюзных решений, чем место непрерывных дискуссий.

Но в некоторых местах встречались комитеты, следовавшие студенческому образцу. Это было там, где считали, что синдикаты, слишком

строго удерживают стачечные комитеты в традиционных рамках. Здесь появлялись комитеты действий, которые апеллировали главным образом к стихийности и адресовались в первую очередь к неорганизованным рабочим. Чаще всего они действовали независимо от забастовочных комитетов. В некоторых случаях они выступали против них и даже против профессиональных организаций, хотя чаще сотрудничали с ними (что не исключало, однако, и трений). Возникали различные ситуации, но испытанные формы преобладали.

Самым оригинальным видом деятельности забастовщиков на занятых предприятиях была деятельность рабочих комиссий, создаваемых забастовочным комитетом или общим собранием. Это могли быть различные организации: одни — подсказанные синдикатами, другие — образовавшиеся в соответствии с характером предприятия. Их возникновение связано с тем, что студенты называли «активной забастовкой» в противовес забастовкам более традиционного типа 1936 г. Так, в секторах с передовой техникой средний технический персонал и даже инженеры вместе с рабочими создавали дискуссионные комитеты. В этих комитетах вырабатывались планы реформ предприятий и даже реформ общества.

Одной из оригинальнейших черт мая 1968 г. было проведение массовых уличных демонстраций, происходивших в Париже и во всех крупных городах Франции. Эти массовые шествия, обычно мирные, действительно были характерны именно для этого времени. Они происходили во время забастовок уже и в предшествующие годы, но тогда были значительно слабее. На этот раз рабочие, покидая заводы, смешивались с различными категориями трудящихся и студентов; это способствовало созданию своеобразного сплава идей.

Заслуживает внимания стратегия синдикатов и особенно ВКТ. Внешне забастовки как будто бы стихийно перерастали во всеобщую. Но на деле ВКТ советовала своим первичным профсоюзным организациям брать на себя всю необходимую инициативу по выработке лозунгов, требований, расширяя забастовки снизу. Во многих случаях прекращение работ происходило отнюдь не стихийно, как предполагали некоторые, а под руководством крупнейшего предприятия отрасли или местности и было результатом действий синдиката. Ни федерации, ни конфедерации не выдвигали никаких лозунгов всеобщей забастовки. Жорж Сеги в интервью сказал по этому поводу, что было бесполезно их выдвигать, поскольку забастовка перерастала во всеобщую под контролем трудящихся снизу, и только это было важно.

Следует добавить, что накопленный опыт, несомненно, оказывал влияние на позицию ВКТ. На протяжении ее истории выдвижению лозунга общей забастовки всегда предшествовали долгие размышления. Случалось это редко: 1 января 1906 г., в мае 1920 г., 12 февраля 1934 г., в ноябре 1938 г., повстанческая стачка в момент Освобождения и, наконец, в ноябре 1947 г. Немногим из этих призывов сопутствовал успех; вполне понятно, почему конфедерация предпочитала способствовать превращению забастовки во всеобщую, поддерживая инициативу низов, т. е. активность синдикатов, департаментских союзов и федераций. Конечно, эта осторожность, охраняя ее авторитет, возможно, несколько ограничивала динамизм развития движения. Во всяком случае эта ее позиция стала предметом дискуссии в 1968 г.

Как и в 1947 г., ВКТ отказалась создать центральный национальный забастовочный комитет. Жорж Сеги заявил журналистам, что руководители федераций и конфедеральное руководство ограничились общим руководством движением.

Тем, кто, может быть, не знает этого, нужно напомнить, что создание центрального забастовочного комитета относится к революционным традициям рабочего движения, и некоторые гошистские организации требовали его создания. В 1968 г. в условиях увеличения численности синдикатов и расширения движения среди неорганизованных рабочих возник риск создания такого комитета на слишком широкой основе, ВКТ могла бы

оказаться в меньшинстве. Такой риск действительно существовал, и на этот путь ВКТ отказывалась вступить, тем более что неизбежно возникли бы разногласия о формах и целях движения с такими организациями, как Национальный союз студентов Франции (ЮНЭФ); Национальный союз работников высшего образования, Французская демократическая конфедерация труда (ФДКТ).

Центрального забастовочного комитета не было. Но в местном масштабе были созданы межпрофсоюзные забастовочные комитеты. Наиболее яркий пример — это Нант, где в мае 1968 г. в силу особенностей рабочего движения этого района происходили наиболее острые классовые столкновения. Здесь межпрофсоюзный стачечный комитет заменил собой нантский муниципалитет и сохранял власть в своих руках до тех пор, пока продолжалась забастовка, а затем был ликвидирован. Но это было исключением. Во всех других пунктах забастовка не распространялась за пределы предприятия и синдикалистских задач.

На фоне всех этих событий стратегия ВКТ вырисовывается достаточно ясно и определенно: она отстаивала свои права на руководство рабочей забастовкой совместно с другими рабочими конфедерациями, споры с которыми, особенно с ФДКТ, неоднократно возникавшие, были очень тяжелыми в силу идеологических и стратегических расхождений.

Было ли применение насилия одной из характерных черт мая 1968 г.? Этот вопрос связан с проблемой о роли государства и учета политической ситуации, в которой разворачивалось движение. В 1936 г. стачки носили мирный характер, столкновений было мало вследствие позиции правительства Народного фронта. Оно ни при каких условиях не вмешивалось и не вынуждало забастовщиков освободить предприятия, а в конце концов навязало предпринимателям свой арбитраж путем матиньонских соглашений. Для того чтобы определить степень насилия, применявшегося в мае 1968 г., нельзя удовлетворяться только впечатлениями, полученными от картин уличных боев в Латинском квартале. Нужно события 1968 г. сравнить с событиями ноября и декабря 1947 и 1948 гг.

Меры, принятые правительством в те годы, развязали гражданскую войну: с 19 ноября до 5 декабря в армию были призваны один за другим те, кто составлял первый контингент призыва 1947, затем второй контингент призыва 1946 и второй контингент призыва 1943 г.; правительство добилось от парламента, поставив на голосование закон о защите республики, разрешения на призыв 80 тыс. резервистов. После эпического сражения в палате правительство провело знаменитый закон о свободе труда. Для того чтобы сломить забастовку, в ночь на 1 декабря (в полночь) полицией и отрядами безопасности были захвачены все электроцентраль Парижского района. Их работа была обеспечена с помощью военных специалистов.

Во время забастовки горняков в конце 1948 г. на территории рудных бассейнов было введено осадное положение, размещены вооруженные танками армейские части, открывавшие огонь по бастующим горнякам, в частности в Гаре, Сент-Этьене, в деп. Нор, в Па-де-Кале, где происходили настоящие сражения. Столкновения между репрессивными силами и бастующими были настолько ожесточенными, что эти забастовки получили название повстанческих. По сравнению с такой ситуацией насилие, примененное в 1968 г., представляется весьма относительным. Оно имело место, но сдерживалось и сознательно осуществлялось в очень театрализованном виде, а власти извлекли из этого максимальные политические выгоды.

Кроме того, мы вправе спросить себя, в каком направлении повлияли применение насилия в 1947 и 1948 гг. и размах последовавших репрессий на позицию рабочих в 1968 г. Хотя движение 1968 г. в основном было борьбой за экономические требования, оно также в значительной степени было пропитано политикой. Но не в этом заключалась его оригинальная черта (выступления 1947, 1948 и 1953 гг. также носили в значительной мере политический характер), а также и не в тех маневрах против ВКТ

и против компартии, которые имели место как в 1968, так и в 1953 и 1947 гг. Его глубочайшее своеобразие заключается в сочетании собственно рабочего движения с борьбой трудящихся интеллигентов и студентов. Последние считают вполне нормальным и естественным, что 13 мая в ответ на предложение ВКТ пролетарские синдикаты смогли мобилизовать всю массу французских трудящихся для проведения забастовки солидарности с ними. В этом, мне кажется, заключается одна из важнейших черт мая 1968 г.

Не забудем, что французскому рабочему движению свойственна была увриеристская традиция с ее предпочтением физического труда умственному и известным недоверием к интеллигенции и студентам, которых рассматривали, особенно в то время, как выходцев из среды мелкой и средней буржуазии. Симпатии к студенческой борьбе отнюдь не были, следовательно, спонтанными, и большой заслугой ВКТ является именно то, что единственным лозунгом для забастовки 13 мая она выдвинула этот лозунг солидарности. Необходимо было подчеркнуть это своеобразие момента. Кроме того, именно этот лозунг благодаря своему успешному осуществлению в конечном итоге дал толчок движению всеобщей мобилизации рабочего класса. Произошла встреча, но в то же время и столкновение рабочего движения со студенческим.

Эта противоречивая ситуация была вызвана существованием гошистского и анархистского течений с весьма путанными воззрениями, посетителями которых были в мае 1968 г. студенчество и интеллигенция. Возрожденное анархистское течение, которое ярче других представлял Кон-Бендит, характеризовалось тем значением, которое оно придавало стихийности, прямой демократии, враждебностью по отношению к партийным или синдикалистским организациям. Это течение особенно противостояло Всеобщей конфедерации труда. Не следует смешивать анархистское течение с гошистским движением, носившим более политический характер, не выступавшим в принципе ни против организации, ни против партий, а против ВКТ и Французской компартии. Анархистское течение нашло известный отклик в рабочем классе прежде всего потому, что отражало некоторые элементы традиций самого французского рабочего движения. Не следует забывать синдикалистские истоки ВКТ, ее первоначально враждебное отношение к политическим партиям, предпочтение, отдававшееся ею активному меньшинству, ее веру в стихийность масс и ту революционную роль, которую она отводила синдикатам.

В 1968 г. ВКТ заняла очень непреклонную позицию, выступая против всех этих попыток внешнего вмешательства. Помимо необходимости обеспечить безопасность бастующих предприятий и заботы о сохранении единства движения, я усматриваю в этой позиции также результат идеологической эволюции ВКТ после Освобождения: постепенно она отделилась от революционного синдикализма и стала марксистской. От Амьенской хартии она сохранила только принцип автономии синдикатов по отношению к политическим партиям; от марксизма, как мне кажется, ВКТ восприняла главным образом ленинские принципы. Это нашло свое подтверждение в суровом осуждении как левачества, гошизма («левизна — детская болезнь в коммунизме»), так и анархизма (резкое столкновение Маркса с Бакуиным относится еще к I Интернационалу). В этом выявляется суть ВКТ, которая основательно преобразилась; возможно, что, ужесточив свою позицию по ряду вопросов, она видела опасность там, где ее иной раз и не было, особенно среди молодежи, которая стремится к самовыражению и испытывает нетерпение от желаний действовать.

Второй причиной того, что анархистские идеи нашли отклик среди трудящихся, как мне кажется, является эволюция французского общества, происшедшая с 1950 г. Всевозрастающая роль молодежи и женщин не только демографический феномен. Она влияет также и на процесс обновления французского рабочего класса в 1960—1970 гг. Появление новых черт у рабочего класса может частично объяснить причины проникнове-

ния анархистского движения (в большей степени, чем «гошистского») в определенные слои рабочего класса и в некоторые отрасли производства.

В течение этого периода быстро развивалась передовая промышленность, в которой инженеры и исследовательские лаборатории играли важную роль. Эти отрасли с новым составом кадров и более высоким уровнем культуры оказались более восприимчивыми к призывам и языку университетов, чем отрасли с традиционным составом рабочих. На таких предприятиях функционировали комитеты действий, рабочие комиссии при активной поддержке ФДКТ, более подверженной их влиянию, чем ВКТ.

Кроме того, как и во всех других случаях, чтобы понять положение вещей, следует учитывать, что произошло обновление рабочего класса. Начиная с 1955 и особенно с 1960 г. много молодых крестьян и молодых сельских жителей переехало в города и промышленные центры (поскольку правительственная политика привела буквально к обезлюдению сельских местностей). Эти сыновья и дочери мелких собственников, сельскохозяйственных рабочих, ремесленников не обладали никакими традициями борьбы пролетариата и опыта профсоюзной работы, все их прошлое было чуждым, если не враждебным, новой деятельности, которую они вынуждены были начать. Это именно они пополнили ряды так называемых «специализированных рабочих» (полуквалифицированных) и чернорабочих, особенно в автомобильной промышленности, так как они не имели никакой профессиональной подготовки. В большинстве случаев они ненавидели новые условия жизни, противились как производственной, так и профсоюзной дисциплине. Приехав бунтарями из своих деревень или школ, они такими и оставались и прислушивались к словам студентов, призывавших отвергнуть как хозяйский авторитет, так и профсоюзную дисциплину. Мне кажется, что на этих двух путях следует искать объяснения некоторых аспектов мая 1968 г., некоторых событий того времени. Возможно, следует также взвесить влияние факта продления сроков школьного обучения. Но в конечном итоге большинство из 9 млн. наемных рабочих не прислушивались, если так можно выразиться, к пению сирен, и движение приняло те формы, в которых ВКТ господствовала полностью. Наиболее убедительно этот факт подтверждается тем, что, как и в 1936 г., борьба закончилась усилением синдикатов. В ряды ВКТ влилось от 300 тыс. до 400 тыс. новых членов. ФДКТ тоже укрепилась. Несмотря на враждебные атаки, влияние синдикатов усилилось, как и в 1936 г.

Итак, май 1968 г. является в истории французского рабочего движения очень своеобразной страницей. Это самая крупная из когда-либо происходивших экономических забастовок. Это всеобщая забастовка, наконец осуществленная, о которой деятели ВКТ мечтали еще в начале века. Однако она не стала воплощением их мечты. Они верили тогда, что стачка обязательно должна перерасти во всеобщую революционную забастовку; некоторые надеялись на это и в 1968 г. Но этого не произошло.

Рабочее выступление 1968 г. ограничилось экономической забастовкой. Тем не менее она породила политические надежды. Был момент, когда голлистская власть пошатнулась. Но политико-синдикалистские маневры, вызванные антикоммунизмом и недоверием к ВКТ, привели к поражению политических действий. Раздробление сил рабочего класса в плане профсоюзного движения и левых партий — в политическом плане еще раз задало борьбу трудящихся в политический тупик...

1968 год снова показал, что условием успешного развития революционного процесса является единство революционных сил, единство их экономических и политических действий.